

Веч. кин. - 1998. - 17 сент. - с. 3.

Три года Олеся Фокина жила в Троице-Лыкове рядом с великим затворником и снимала о нем фильм. Сегодня семья Солженицына возражает против его выхода на экран. Почему?

ЗОНА СОЛЖЕНИЦЫНА

Режиссер Олеся Фокина заканчивает монтаж третьей серии своего фильма "Избранник" об Александре Солженицыне. Услышав об этом в новостях по каналу "Культура", я сразу позвонила Олеся с просьбой посмотреть картину. Давний замысел Фокиной - создать цикл киносвидетельств о тех наших современниках, на ком мир выстоял в XX веке. Фильм о скульпторе Вадиме Сидуре ("Автопортрет в гробу") был премирован на многих фестивалях; а "Время Мераба" (о великом философе Мерабе Мамардашвили) только что вновь показали по каналу "Культура".

Удивительно в наше время одно уже то, что молодая красивая женщина (да на нее, по нынешним меркам, только бы любоваться каким-нибудь новым русским) уходит в самые глубокие темы, за которые сегодняшним телесвистунам и взяты-то ленно и боязно.

- С тех пор, как я прочла "Архипелаг ГУЛАГ", меня очень поддерживала мысль, что я живу в одном времени и пространстве с человеком, который сумел поставить на колени несокрушимую систему, - рассказывает Олеся. - А в 1994 году произошла невероятная вещь: 24 августа, через четыре месяца после возвращения Солженицына в Россию, мне довелось с ним познакомиться. В тот вечер Александр Исаевич опроверг все расхожие представления о своей закрытости и замкнутости. Вскоре по приглашению писателя моя семья поселилась рядом. Мы прожили в Троице-Лыкове по соседству с ним три года.

Кажется, мы испытывали друг к другу доверие. Но - до момента, пока Солженицын не узнал, что я всерьез думаю над фильмом о нем. Настроение его мгновенно переменялось: "Моя жизнь не вмещает присутствия камеры".

Тем не менее в сентябре 1994 года мне было разрешено поехать снимать его поездку по югу России - на родину. Первым результатом съемок стала 8-минутная новелла об этом путешествии в программе "Воскресенье" на ОРТ.

Вскоре я письменно изложила Александру Исаевичу идею будущего фильма. И получила отказ. Но съемки на "неоговоренное будущее" - в архив - продолжались.

А весной 1995-го в нашем доме почти без предупреждения появилась Наталья Дмитриевна. Цель ее визита была конкретна: дать согласие на фильм. Через два с половиной года Солженицыны заберут свои слова обратно, упрекнув меня в том, что я "устремилась свое внимание на внешнюю биографию писателя". Но тогда, в 95-м, специально под картину была создана студия "КОД-фильм". Что-то сам Александр Исаевич считал необходимым запечатлеть на пленку: выступление на Земском съезде, чтение рассказов в ЦАЛИ, поездки с сыновьями по местам своего заключения. Съемки продолжались, параллельно я работала над сценарием.

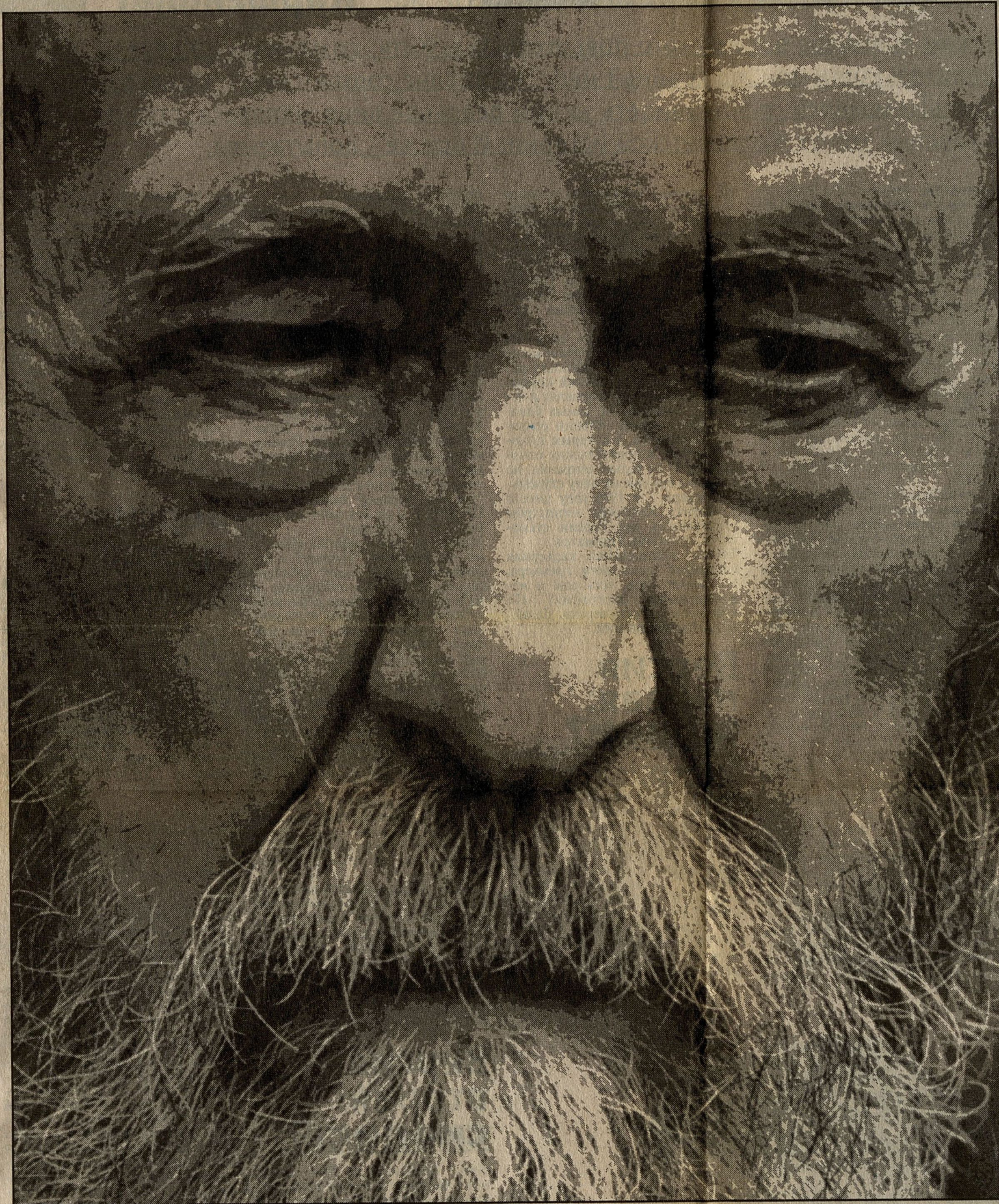
Я вступила на очень опасную территорию - в "зону Солженицына". Прежде всего принялась за главное: в течение трех лет перечитала все собрание его сочинений. И разве можно было предполагать, сколь запутанные, сложные отношения ждут нас впереди?! Но одно понимала точно: будучи вхожей в дом Солженицыных и пользуясь их доверием, я не стану делать фильм с позиции денщика, который знает, как пахнут хозяйские портянки.

Если не видеть чего-то большего, нежелание Солженицына сниматься в фильме попытаемся объяснить так.

Люди, по праву уверовавшие в свою миссию, от других людей (особенно многословных) устают чрезвычайно, а потому именно журналистов избегают. Тем более что отдают себя человечеству в другой, "нетусовочной" форме - в виде всего своего творчества, им не до "ля-ля". И Наталья Дмитриевна справедливо стоит на страже покоя Александра Исаевича не менее строго, чем Нина Львовна Дорлиак охраняла покой Святослава Теофиловича Рихтера, а Эльза Густавовна берегла от праздных болтунов великого композитора Свиридова.

Великим людям присущ стыд - как им беседовать крупным планом с поп-журналистами (журналистами-звездами!) а-ля Ирина Зайцева? Вспомним последнюю суботную передачу "Герой дня без галстука", посвященную весьма известному губернатору: "А вы сами-то веселый человек?" "Обалденно", - отвечает губернатор в тон не менее хорошенькой, чем Олеся, ведущей. Мыслимо ли, чтобы Солженицына спросили: "Ну как вы тут у нас, Александр Исаич, обжились?" "Да офигительно".

В фильмах Фокиной, к счастью, невозможна эта уже общепринятая посповость. Уровень ее мышления - сокурский, разве что говорить открытым текстом она любит еще меньше. Кадры с писателем в "Избраннике" немногочисленны и

скупы - видно, действительно не любит Солженицын, когда его беззастенчиво разглядывает камера. Выразительны они исключительно за счет мастерства операторов и художественного вкуса самой Фокиной, имеющей к тому же безукоризненное музыкальное чутье в звуковом оформлении. Много семейных фотографий, редчайшей исторической хроники (например, "сходка" диссидентов, первая импровизированная пресс-конференция Солженицына за рубежом - с Бёлем и т.д.). Скрупулезно исследует Фокина: как, откуда взялся на свете такой человек-глыба? Сам по себе или чуждо, кому-то в ущерб? Что сознательно, что несознательно в его целенаправленном поведении? Удивительно, но сумасшедшую русскую историю (фон биографии) ей удается подать калейдоскопом, от которого и прямо рехнуться можно. Даже успокаивает немного: раз до сих пор не рехнулись, и сегодня переживем, хотя ежедневно продолжается мука раздвоя - того, что Достоевский определил формулой "Не могли согласиться, что считать добром, а что злом".

Откуда началась диссидентская биография Солженицына? За три месяца до конца войны в письме школьному другу Коле Виткевичу из армии он назовет Ленина "Вовкой", а Сталина - "паханом". И 9 февраля 1945 года его арестовывают. А за месяц до злополучного письма генерал Травкин написал о нем достоверно и, оказалось, предельно точно: "Из смертельной опасности он всегда выходил победителем". Так что же, фильм о Солженицыне - сплошные фанфары победителя? Поначалу фильм действительно катится, кажется, по вполне юбилейной колее (в декабре - 80-летие писателя). Более того: приводятся слова Ахматовой (по прочтении "Ивана Денисовича") его весьма непрезентабельному внешне автору: "Вы будете самым знаменитым человеком в мире!" Человек-то знаменит, но насколько же неадекватен фильм! При всем искреннем преклонении перед своим героем Олеся Фокина не стала списывать биографическую канву из академических предисловий. И сняла фильм сенсационный.

Первое ощущение, когда будто песочные часы переворачиваются у вас в голове или будто вы смотрите совсем другой фильм, вызывает новелла о встрече Солженицына с Варламом Шаламовым. То, что произошло между двумя писателями, не назовешь словом "ссора". Шаламов напишет: "Солженицын - делец" - и запретит ему пользоваться своим архивом! С этого момента в фильме начинается неоднозначность, загадка. Их россыпи. Не для того, чтобы сделать картину более занимательной наподобие детектива. А оттого, что они мучают Фокину, не находящую на них ответа. Почему знаменитый на весь мир Солженицын так и не передаст рассказы Шаламову Твардовскому? Солженицын получит "Нобеля", Шаламов умрет в доме инвалидов. Отчего Солженицын так беспощадно, так жестоко напишет о падении "Нового мира", давшего ему мировую славу: "Новый мир" погиб без красоты. С нераспрямленной спиной, на коленях. Без слабых союзников свободнее руки одинокого" (это самая страшная фраза Солженицына из книги

"Бодался теленок с дубом" еще не раз всплывет в памяти на протяжении фильма). И генерал Григоренко (ему, как и Шаламову, посвящена отдельная новелла) упрекает писателя: "Удалось ли бы вам вырваться на свет, если бы не он? На Трифоновца все шли как на маяк". Уже на этих примерах видно, как Фокина преодолевает естественный соблазн угодить великому человеку, предпочитая формировать свою правду. Но не потому ли не получила она от семьи Солженицыных одобрения на встречи с людьми, служившими ему беззаветно; на обнародование жизненных историй тех, кто, вообще говоря, бесславно погиб за него? Семья очень боялась "необъективности обиженных, не занявших того места в жизни Александра Исаевича, на которое они рассчитывали". Фокина, несмотря на фактический запрет, решает благородную задачу: рассказать о тех, без кого Солженицын не стал бы Солженицыным. Перед нами пройдет драматическая судьба Ирины Томашевской (первой назвавшей автором "Тихого Дона" Федора Крюкова).

Судьба Елизаветы Денисовны Воронянской - первойшей помощницы Солженицына: она перепечатывала и хранила его "Архипелаг". После пятидневного допроса покончила с собой; могила не найдена; на запросы Фокиной в ФСБ ответа не поступило. Судьба семьи о. Виктора Шиповальникова, его дочери Лизы, на глазах у топтунов перевозившей рукописи писателя в Ленинград с дачи Ростроповича. Да и самого великодушного Ростроповича Александр Исаевич вовремя покинул, поняв, что "заедает" приютившую его семью.

Загадок много. Отчего в 1968 году, в чешские события, Солженицын промолчал? Он напишет: "Бежать! Сейчас, под танковый гул, они мне и срежут голову незаметно. Надо побережь голову для главного крика. Я смолчал: с того мига добавочный груз на моих плечах". (Прошу прощения за вольную пунктуацию: текст списывала с экран, а знаю, что А. И. не разрешает править в рукописи ни запятой, настаивая на своей архаичной пунктуации. - Н. З.).

Кто определит: где грань, за которой художнику дозволено сохранять себя для "более великих дел"?

Нет, совсем не юбилейный фильм! "Ледяное безразличие" (слова, принадлежащие Илье Зильбербергу) героя картины к определенным событиям, к трагическим судьбам своих добровольных помощников чрезвычайно задает, по-человечески настораживает автора фильма. Честная дотошность превращает Фокину в настоящего исследователя - историка, психолога. Проходя вместе с ней весь путь, начинаешь испытывать те же мучения (ведь Солженицын - небожитель, фигура несомненная). И, по-моему, даже обыватель из обывателей не посуетит, что нам ни разу не покажут интерьеров Троице-Лыкова и сентиментальных семейных сцен у камина. Но нет и тенденциозности!

- "Я не давала ходу своим чувствам, - говорит Олеся Фокина. - Я пыталась понять феномен Солженицына, всю жизнь толкующего о морали и нравственности. Рассказывая о драмах его близких, я помнила всегда, что служение писателю было их добровольным, тем не менее, выбором. При чтении книг Александра Исаевича меня не покидала мысль о том, что именно благодаря этим людям книги Солженицына узнал мир, и, значит, это они, его помощники, и спасли писателя! Говоря о Солженицыне, я не смогла обойти стороной их судьбы. Мой фильм - это свечки в их память. Эти судьбы волнуют и мучают меня и сегодня. Что же, книги Солженицына теперь доступны всем. В них - его жизнь и биография. Другие люди прочтут их по-своему и сделают свои фильмы.

А в фильме Олеся Фокиной - правда о неоднозначном человеке и бесспорном герое, пережившем свою миссию (о чем, из великого уважения к нему, громко говорить не принято). Тем более, что, по устному свидетельству Фокиной, он все такой же невероятный труженик, чему научил и всю свою семью. ("На территории Троице-Лыкова, - говорит Олеся, - скамеек нет: здесь не принято предаваться праздности").

Теперь вопрос: а увидим ли мы эту удивительную, неподцензурную Солженицыну работу, которая еще раз - и еще как! - заставит нас перечитать его книги, вчитаться, задуматься?

Судьба фильма драматична. НТВ с Фокиной договор расторгло - у него, как и у всех, финансовые неурядицы. Да и сам фильм вряд ли отвечает вкусам продюсеров НТВ, а на коренные переделки автор не согласился. Впрочем, со слов продюсеров НТВ, стало известно, что и "члены семьи писателя мягко тормозят выход "Избранника" на этом канале". За спиной Олеся - четыре года работы, огромные долги. И решимость вынести на суд зрителя подлинные истории из жизни писателя, которого Твардовский, готовый принять за него страдания, вроде бы шутя называл "ужасным человеком". Как хотите - так и понимайте. Фокинский оригинальный фильм многое понять поможет - драматичный в своих сюжетах-биографиях и неторопливый в точно найденных художественных образах.

Вскружена ли голова Солженицына всемирной славой? Или действительно он, по его словам, "плацдармы захватывает с холодным расчетом"? Да перестал ведь захватывать, хоть ждали, и еще как ждали, всем народом. А можем ли мы еще ждать, в смысле - напелтаться? Или патриарх уже и сам по себе - закапсулированная загадка? Уже не видит и не слышит нас, сегодняшних, докучающих ему вопросами, среди которых не одни только праздные?

Наталья ЗИМЯНИНА